

будет оцениваться первой по ее правилам. Соответственно, роль второй будет умиляться. Тем самым мы испытаем еще большее разделение общества на «мы» и «они» со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями. Будет и дальше впустую растрачиваться созидательная энергия гражданского общества, получим дефицит ее внутренней силы, нивелирующей неблагоприятное влияние современных стрессогенных факторов, например, таких как внешние экономические санкции [4, с. 151].

В официализации гражданского общества государством нет никакой необходимости. Нормативность и, соответственно, примитивизация такого сложнейшего феномена приведет к его полной ущербности, поскольку искусственного гражданского общества не бывает. Следствием казенной регламентации подобных многохарактерных общественных отношений станет утрата связей между государством и гражданами, а также еще большее разделение общества на «мы» и «они».

Список источников

1. Гасанов, И. Б. Просвещенная свобода выбора – политический императив времени / И. Б. Гасанов, Б. С. Эбзеев // Избирательное законодательство и практика. – 2017. – № 2. – С. 3–11.

2. Марченко, М. Н. Правовое государство и гражданское общество (теоретико-правовое исследование) : учеб. пособие. – М. : Проспект, 2015. – 648 с.

3. Скороход, И. Г. Патриотизм: некоторые заметки на полях Конституции / И. Г. Скороход // Патриотическое воспитание и сохранение исторической памяти в системе высшего образования: современное состояние и перспективы : сб. материалов II Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 11–12 мая 2023 г. / редкол.: С. И. Скриба [и др.] – Минск, 2023. – С. 150–152.

*А.И. Сперкач, кандидат исторических наук
ФУнПРФ (Москва)*

ВРЕМЕННЫЙ КРИЗИС ИЛИ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГИБЕЛЬ? (ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В УСЛОВИЯХ ВОЕННО- ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ)

Тематика, предложенная к обсуждению на конференции, как данность констатирует факт нахождения человеческого сообщества в состоянии военно-политической турбулентности. Такое положение, если признать его за исходную посылку и принять ее, не может не привести к трансформациям всего глобального социума в целом и трансформации сферы гражданского общества

в частности. В тоже время для гражданского общества нынешний кризис не является первым.

По утверждению Э. Арато, к середине 1990-х гг. концепция гражданского общества пережила восхождение, упадок и воссоздание. Большая часть XX в. являлась для нее периодом кризиса и застоя. Взлет же, высокая интеллектуальная и политическая востребованность были обусловлены общей стратегией борьбы с авторитарными режимами разного толка, в первую очередь, восточноевропейскими режимами советского блока. Однако, уже через несколько лет после крушения социалистического лагеря, последовал новый кризис [1, с. 48].

Вполне обоснованным будет указание на ключевую роль гражданского общества для создания и функционирования демократий западного типа в целом. Таких позиций придерживались, в частности, такие авторитетные исследователи данной проблематики, как Дж. Кин и Дж. Холл [6; 11].

Исходя из этого положения, общий кризис гражданского общества не может не означать и кризиса всей системы полиархий (демократий западного типа).

Автор доклада оставляет в стороне важную тему, не является ли гражданское общество феноменом именно западной цивилизации, так как принятие или не принятие этой концепции в данном случае не определяет ход его рассуждений и выводы, к которым он приходит. Во всяком случае, не является безосновательным мнение о гражданском обществе как феномене именно западной цивилизации. Так, С.Г. Кара-Мурза утверждал, что «фундаментальный смысл понятия гражданского общества основан на двух концепциях: антропологической (человек как индивид, атом) и политэкономической (частная собственность). Следовательно, это понятие в его главном смысле неприложимо к незападным культурам, стоящим на иных антропологических и политэкономических представлениях» и т.д. [5].

Тут, правда, следует сделать оговорку о возможности рассматривать гражданское общество в двух не совпадающих ипостасях. В данном случае можно обратить внимание на предпринятое Э. Арато концептуальное разграничение институционализованного гражданского общества и неформальных социальных связей (networks), солидарных сообществ и взаимоотношений. При этом гражданское общество первого типа, по его утверждению, отсутствует не только при тоталитаризме. Даже в авторитарных режимах, на которые ссылается Э. Арато, он не находит институционализованного гражданского общества [1].

Таким образом, даже в рамках западной научной теории, вполне возможно: 1) отойти от излишне радикального представления, что гражданское общество, как таковое, есть феномен исключительно западной цивилизации; 2) признать качественное принципиальное отличие гражданского общества именно

западных стран, в которых (и только в них) оно играло важнейшую политическую роль.

По изложенным выше причинам остается в стороне и вопрос о принадлежности к гражданскому обществу политических партий. Хотя следует оговориться, что, например, Ю. Хабермас, причисляя их к структурам гражданского общества, впадает в явное противоречие, тут же характеризуя политические партии, как «в высшей степени огосударствленные» и «относящиеся к административной системе» [9, с. 41–42].

При всей вариативности представлений мыслителей различного толка о сути гражданского общества автор настоящего доклада обращается к классическим трактовкам (характерным и для XIX в., и для «постмарксистского» периода актуализации данной тематики) [1; 6], то есть принимает, как исходную посылку рассуждений, базовую дихотомию «государство – гражданское общество».

Между тем, роль государства по общему правилу возрастает в периоды войн или нарастания угрозы военных конфликтов. Таким образом, одна из базовых характеристик гражданского общества детерминирует уменьшение его политического значения в условиях военно-политической турбулентности.

Вполне релевантны поэтому, размышления М. Калдор, что гражданское общество само по себе «в условиях войны ... становится прямой целью атак» [4, с. 85–105].

Право частной собственности для гражданского общества является базовым политическим, экономическим, юридическим компонентом, обеспечивающим его функционирование. Однако и это его основание обеспечивается в гораздо меньшей степени в периоды войн и политических потрясений (революций, острых экономических кризисов и т.д.). Тут в качестве иллюстрации достаточно привести пример принудительного изъятия золота у граждан США в рамках «Нового курса» Т. Рузвельта, даже при отсутствии в данном кризисе наиболее острой, военной составляющей.

Другим материальным аспектом институциональной роли гражданского общества является не только высокий уровень благосостояния социума и обеспеченность права частной собственности, но и дифференцированное распределение национального богатства. Между тем, говоря словами Т. Пикетти, «исследования последних десятилетий показывают, что неравенство в развитых странах достигло уровня, не наблюдавшегося со времен Великой депрессии» [8, с. 235].

К слову, в политическом смысле последствия упомянутого Т. Пикетти кризиса отнюдь нельзя назвать благоприятными для политической роли гражданского общества.

Согласно содержащимся в Global Wealth Report 2022 данным, с 2000 по 2021 гг. доля в национальном богатстве, принадлежащая 1 % населения наиболее развитых стран мира, включая США, КНР, Индию, Россию, ФРГ, Бразилию, неуклонно увеличивалось [12].

Для автора настоящего доклада вопрос о том, возможно ли при таких тенденциях сохранение и тем более возрастание институционального статуса гражданского общества, как и сам процесс глобальной «демократизации» является риторическим.

В промежуточном итоге, рассматривая ситуации и фактически, и умозрительно, можно прийти к двум основным выводам: 1) об объективности ослабления политической роли гражданского общества, его значения в целом; 2) о том, что позиции государственной власти должны соответственно усиливаться.

Между тем полностью верным оказывается только первое из данных положений.

Указанные заключения нуждаются в важном дополнении: в ряде случаев можно наблюдать не усиление, но кризисные явления самого национального государства. Данная коллизия, однако, разрешается и уточняется рассмотрением того, какие именно государства переживают кризис концепции государственной политической власти? В частности, переживает ли его, например, КНР, являющаяся в настоящий момент одним из ключевых субъектов глобального развития? Очевидно, что подобного кризиса там не наблюдается. По состоянию на сегодня концепция сильной государственной власти в этой стране продолжает оставаться и актуальной, и эффективной. Исследователи отмечают как стремительный рост политического и экономического влияния Китая, что уже стало, по сути, трюизмом, так и особую роль в этом процессе государственных структур страны [3; 14].

Однако, системный кризис концепции государственной власти в рамках национальных государств, безусловно, имеет место быть в странах западных полиархий, то есть как раз в тех странах, политические институты которых в наибольшей степени связаны с развитием самого гражданского общества и в значительной степени опирались на презумпцию его права даже на определенные виды противодействия государственным структурам.

Таким образом, наличие военно-политической турбулентности ослабляет политическое влияние гражданского общества на западе, но при этом там не происходит усиление традиционной (условно традиционной) государственной власти, которую и по идее, и фактически, призвано уравновешивать, контролировать и демократизировать гражданское общество.

Современная ситуация, возможно, несет в себе элемент фатальности для западного гражданского общества, как актора политических процессов.

В рамках глобализации дихотомия «гражданское общество – государственная власть» дополняется и во многом даже замещается дихотомией «гражданское общество + национальное государство – власть ТНК» (ТНК используется здесь как некое обобщенное понятие, точнее следовало бы говорить о транснациональных финансовых структурах, являющихся основой политического и надгосударственного влияния ТНК). Более того, в чисто теоретическом плане, только усиление власти национальных государств, по сути, возвращение им стремительно утрачиваемого суверенитета, дает в будущем гипотетический шанс самому гражданскому обществу на возрождение. Это только один из необходимых факторов, совсем не гарантирующих подобную регенерацию. В итоге национальные государства, пытающиеся отстаивать свой суверенитет перед лицом структур наднациональной власти, в гораздо большей степени становятся естественным союзником гражданского общества перед лицом все более лишаящих их политической субъектности ТНК.

Разумеется, следует упомянуть и оптимистические концепции, предполагающие грядущий (или уже происходящий на наших глазах) расцвет политического значения гражданского общества, преобразования его в «глобальное гражданское общество». Особые надежды при этом связываются с наступлением новой «цифровой эпохи», объединяющей человечество цифровыми узами «коммуникативной революции», которые обеспечат транспарентность действий государственных структур, вовлекут добровольные организации граждан в непосредственное участие в управленческих процессах, окончательно и бесповоротно обуздают Левиафана государственного произвола [2; 10; 13].

Достаточно обратить внимание на действительных акторов и хозяев «нового информационного мира», чтобы поставить вышеназванные представления под сомнение. Не секрет, что «сегодняшний глобальный рынок коммуникаций подчинен непропорционально большому контролю со стороны десятка вертикально интегрированных медийных конгломератов, большинство из которых расположены в США» [7, с. 88].

По разным причинам многие серьезные исследователи преувеличивали политические возможности гражданского общества, как полагаем, искренне «болея» за него и возлагая на него надежды в переустройстве мира к лучшему. Так, представление Ю. Хабермаса, что в странах социалистического блока «аппарат господства (в частности, в ГДР) претерпел революционную трансформацию под растущим давлением мирно действующих гражданских движений» [9, с. 42], оставляет за кадром действия, подрывающие положение упомянутых режимов со стороны государственных структур СССР в формате «перестройки»; долгосрочные целенаправленные усилия в том же ключе

государственных структур США, работу спецслужб и т.д. и т.п. Рассматривая всю совокупность факторов, следует скорее обозначить роль гражданского общества в этих процессах как эффективного инструмента, чем политически независимого актора с решающим воздействием на ситуацию.

Если тенденции последних десятилетий сохранятся, окончательное исчезновение политического института гражданского общества будет неминуемым и будет означать уничтожение великого проекта либеральной демократии. Причем уничтожение это идет, если можно так выразиться, с двух сторон. С одной стороны, противостоящие политическому глобализму региональные элиты выдвигают лидеров авторитарного типа и как раз в тех странах, в которых гражданское общество не обладало институализированным статусом и соответствующим политическим влиянием. Гораздо более значимым «вкладом» является то, что сами западные полиархии дают все более зримый пример разложения собственного проекта сразу по целому ряду ключевых направлений. Во втором случае, разумеется, продолжает действовать серьезная инерционность предыдущих периодов «массовой политики», уходящий корнями в гуманистические и просветительские проекты. Но эти обстоятельства не меняют сути происходящего.

Таким образом, кризис гражданского общества, который засвидетельствовал в середине 1990-х гг. Э. Арато [1, с. 48], имел и имеет объективные основания и к настоящему времени не только не преодолен, но грозит превратить гражданское общество если не в симулякр, то в инструмент навязывания политической воли ТНК и пропагандистское прикрытие их властных устремлений.

Разумеется, следует оговориться, что автор в формате данного доклада не затронул многие нюансы развития гражданского общества, в том числе, разнонаправленные тенденции, всегда наличествующие в любом социальном процессе. Его задача была обозначить тот вектор развития, который он полагал определяющим и даже в тех случаях, когда его мысли излагались императивно, они в значительной степени преследовали цель постановки вопросов.

Список источников

1. Арато, Э. Концепция гражданского общества: восхождение, упадок и воссоздание – и направления для дальнейших исследований // Полис. Политические исследования. – 1995. – № 3. – С. 48–57.
2. Геллнер, Э. Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники / Э. Геллнер. – М. : Моск. Шк. Полит. исследований, 2004. – 240 с.
3. Закария, Ф. Постамериканский мир / Ф. Закария. – М. : Изд-во «Европа», 2009. – 280 с.

4. Калдор, М. Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху / М. Калдор. – М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2015. – 416 с.
5. Кара-Мурза, С. Г. Общество граждан / С. Г. Кара-Мурза // Взгляд. Деловая газета. – 2013. – 27 авг. – С. 10.
6. Кин, Дж. Демократия и гражданское общество / Дж. Кин. – М. : Прогресс-Традиция, 2001. – 400 с.
7. Кин, Дж. Демократия и декаданс медиа / Дж. Кин. – Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – 312 с.
8. Пикетти, Т. Капитал в XXI веке / Т. Пикетти. – М. : Ад Маргинем Пресс, 2015. – 592 с.
9. Хабермас, Ю. Структурное изменение публичной сферы: исследования относительно категории буржуазного общества / Ю. Хабермас. – М. : Издательство «Весь Мир», 2016. – 344 с.
10. Anheier, H. Introducing global civil society / H. Anheier, M. Glasius, M. Kaldor. – Oxford : Oxford University Press, 2001. – 22 p.
11. Hall, J. A. Consolidations of Democracy / J. A. Hall. // Prospects for Democracy: North, South, East, West. – Stanford: Stanford Univ. Press, 1993. – P. 271–290.
12. Gaudiaut, T. Les richesses sont particulièrement concentrées en Russie. Quelle la part de la richesse nationale détenue par la tranche des 1 % les plus riches, en % (en 2000 et 2021) [Electronic resource] / Statista. – Mode of access: <https://fr.statista.com/infographie/amp/25672/inegalites-economiques-part-de-la-richeesse-nationale-detenu-e-par-les-1--les-plus-riches-par-pays/>. – Date of access: 12.09.2023.
13. Keane, J. Global Civil Society? / J. Keane. – Cambridge ; New York : Cambridge University Press, 2003. – 236 p.
14. Pearson, M. The State and Capitalism in China / M. M. Pearson, M. Rithmire, K. Tsai. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2023. – 97 p.

*Р.И. Файншмидт, преподаватель
Президентский университет (Джакарта)*

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРИЧИНЫ ЗАВЕРШЕНИЯ ЭРЫ ВАРГАСА В БРАЗИЛИИ

Бразилия является одной из наиболее значимых стран не только латиноамериканского региона, но и всего мира ввиду своей крупной диверсифицированной экономики, основные промышленные отрасли которой были основаны и значительно развиты при президенте Ж. Варгасе. Период его